

Григорий Стариковский

Тонкий воздух пунктирный

* * *

клио ходит с толстой книгой
и велит, — вскопаешь память
и культурами засеешь,
чтоб всходило и гудело

злачным гулом... помню звенья
дней и кривизну взросленья,
но не помню, как темнело
и светало по утрам.

я скормил все фотоснимки
мусорным зелёным бакам,
засекретил лица близких,
не оставил ничего.

как цыган цыплёнку, крикну, —
цыц, зарёванная муза,
нафталиновая клио,
ты одна на поле снимка,

где ни улицы не видно,
ни домов, не прерываешь
комариный зуд распада,
песню злачною свою.

Григорий Стариковский — поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1971 г. в Москве. В США с 1992 г. Окончил Колумбийский университет. Докторская степень по классической филологии. Много переводит с английского, французского, немецкого. Перевел «Пифийские оды» Пиндара (2009). Автор сборника стихов «На углу» (М., 2005). Живет в пригороде Нью-Йорка.

* * *

так голоса плывут,
как тишина в ведре,
и серый день скользит
по ободу его.

по образу его
над бельевого доской,
здесь тоже всюду жизнь,
и рукава чадят.

здесь тоже мятый воск
пустых воротников,

а пена — это песнь,
и баратынский — бог,

и нет других богов,
которые себя
вместили бы в себе
и выстояли над

зрачком слепой воды,
как этот талый снег,
выслаиваясь вслух
и вечера вдале.

* * *

что прирастает дрожью дождевой,
ожёг асфальта или вроде ваты
за гаражами воздух неживой,
между ладоней сжатый?

кто крысится на здание суда,
и в облаке находит смесь уродства
и правоты, и между «нет» и «да»
теряет сходство,

и наполняет певчее ведро
чернильным льдом, и землю рвёт лопатой,
стоит теперь истошно и светло,
и говорит себе — не падай.

* * *

фигурные арочки стульев,
ореховый стол и буфет,
и полупрозрачные улы
фужеров, и хлебницы склеп.

все эти подставочки, плошки,
и чайник с охрипшим свистком,
на свадьбу немецкие чашки
с развинченным пастушком,

и скатерть, расшитая пенной
сиреневой веткой куста,
куда это всё исчезает,
в какие уходит места?

* * *

она торгует рыбьим кормом
и красит чёлку в рыжий цвет,
лицо проточное, в котором
изюминки как будто нет.

на ней сиреневая юбка
и магазина логотип,
ещё вполне себе голубка,
и даже сдобная на вид,

она покусывает ногти
и смотрит в зеркальце своё,

как будто нет её на свете,
а есть другое существо —

пустая чашка, стынъ в гортани,
одна из пепельных вещей;
зелёные глаза туманит
не о своём, а вообще,

и улыбается некстати,
и притворяется живой,
когда уносит покупатель
свеченье рыбки золотой.

* * *

солнце выгорит дочиста,
но припомнится запах,
тонкий воздух пунктирный,
простреленный птицей случайной.

доски снегом облеплены, но
нарушилось важное что-то;
бриз, его толстогубый порыв
отдаёт хрусталём или хрустом.

замечательно всё, что не мы,
а другое, делимое взглядом
на белёсую пеночку льда
и скупое свечение проталин.

* * *

— где, дорога, остались твои колеи?
— на цветочном газоне, извивом змеи.
— голова, где твоя бескозырка гниёт?
— под водою, дырявая, воду жуёт.

— где весна, от которой чесались глаза?
— где вчерашняя бродит гроза.
— а холодное небо куда истекло?
— здесь без неба как будто светло.

— где теперь обретаётся сломанный дом?
— я не знаю, как помнить о нём.
— а больная душа, что в том доме жила?
— уплыла, далеко уплыла.